

1999 - 1998 -

ad 2118 - 25

Геннадий Бортников появился на сцене Театра имени Моссовета в начале шестидесятых и сразу же обратил на себя внимание зрителей.

Роль Родиона Раскольникова в спектакле «Преступление и наказание» принесла ему признание, а участие в фильмах «Взорванный ад», «Наш дом», «Черемушки» обеспечило широкую популярность. Но это было давно... Шесть последних лет этот замечательный актер не выступает в новых ролях, и зрители начинают постепенно о нем забывать. Беседа с Геннадием БОРТНИКОВЫМ, оказавшимся сегодня как бы не нужным ни театру, ни кино, касается больных сторон существования артиста в искусстве.

— Еще десять лет назад вы играли в театре с большими паузами. Что изменилось?

— Да мало что... Во всяком случае, по отношению ко мне. Сейчас в нашем театре идут какие-то эксперименты на малой сцене, видимая жизнь бурлит в репетиционном зале, а заметных результатов пока не видно. На днях я в последний раз сыграл Кина, и спектакль был снят. Пока в перспективе мне ничего не светит. Я предлагал нашему руководству поставить пьесу графини Распичиной о возврате Чацкого в Москву через 25 лет. Была на примете еще пьеса Л.Пиранделло. Но, увы, эти и другие проекты надолго ложатся в кабинете главного режиссера или директора театра, и мой энтузиазм иссякает. Самому же бегать и искать режиссеров не считаю пристойным. Я привык, чтобы ко мне приходили.

— Если не возражаете, в нашем разговоре появится слово «невостребованность»...

— Не возражаю. Театр имени Моссовета всегда славился «звездами». И у них тоже были простои. Так, великая Фаина Раневская, случалось, ждала новой роли по пять лет. И это еще не долго.

— В чем причина, как вы думаете?

— Не знаю. Мне кажется, все мы попали в какой-то «бермудский треугольник». Я не вижу в последнее время в нашем театре спектаклей, которыми можно гордиться. И молодых-то не видно в театре. Иногда появляется кто-то, выскочит, но его и молодым-то не назовешь! Конечно, такие громадные паузы, как у меня, заканчиваются тем, что приходит новое

«ГЛАЗАМИ КЛОУНА» В РЕСТОРАНЕ

Кумир театральной публики
сегодня оказался невостребованным

Геннадий Бортников в новом амплуа.

поколение, а на тебя уже нет спроса...

— Валентина Талызина как-то говорила, что ее и вас почему-то невзлюбила дирекция театра.

— Список можно продолжить. Кроме нас, это еще и Маргарита Терехова, и Георгий Жженов... А время идет... Для актера же вре-

мя, простите за банальность, это нечто более страшное, чем для представителей других творческих профессий.

— И что делать?

— Искать себя. Многие звезды катаются по городам и весям. Терехова пошла на эксперимент и сыграла в «Миллом друге» у А.Житинкина. Что касается меня, то я иногда беру краски, карандаши и рисую какие-то эскизы, декорации, портреты своих коллег. Что-бы уж совсем профессионально не завянуть, решил сделать серию творческих вечеров, вернуться к

рать». Но потом я посмотрел программу «Ностальжи» и решил, что это не так уж страшно... Конечно, если бы я там играл Шекспира или Шиллера, это было бы смешно. А роман Генриха Белля начинается с представления героя: «Я — клоун, я артист варьете». Надеюсь, что атмосфера ресторана совпадет с атмосферой моего спектакля. Это, конечно, не значит, что я собираюсь покинуть свой театр и буду заниматься преимущественно такого рода творчеством. Кстати, меня тревожат заявления некоторых театральных деятелей, что

якобы репертуарный театр должен перейти на антрепризу...

— И не только перейти на антрепризу, но и уйти от литературы.

— Вот тогда мы точно все уйдём — куда-то далеко, далеко... Сейчас падают тиражи серьезной литературы. Кто-то еще по старинке читает Достоевского, а кто-то способен прийти к этому писателю через спектакль, в котором актеры-единомышленники выражают авторскую мысль.

— Говорят, в любой постановке вы тянете одеяло на себя?

— Если я играю в спектакле, то не могу исполнять пятую или четвертую роль. Конечно, я эгоист. Немногие меня понимают и принимают, но я всегда тяну за собой весь спектакль. И дело не в самолюбии... Если не чувствую рядом настоящего партнера, тем более если он фальшивит, то ухожу со спектакля больным.

— Стало быть, упомянутый «бермудский треугольник» создан не только волей обстоятельств?

— Конечно. Сейчас я жалею, что не развивал в себе другие таланты. Можно было бы серьезно заниматься живописью, писать музыку. Но слишком много лет было отдано этой трагической профессии, и начинать все сначала поздно. Из актерства нужно или вовремя уходить, или нести свой крест до конца...

**Беседу вел
Артур СОЛОМОНОВ.**

вою моноспектаклям. Мне предложили сыграть «Глазами клоуна» в ресторане «Ностальжи».

— Вроде бы ресторанный атмосфера не очень-то способствует восприятию искусства...

— Валя Гафт, которому тоже предлагали подобный эксперимент, как-то мне сказал: «Они будут жрать, а ты будешь для них иг-